

КАКУДЗО ОКАКУРА

КНИГА ЧАЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 641.87:663.95+7.03(520)

ББК 36.98+85.03(3)

О-49

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод *И. Родина*

Стихи в переводе *Н. Сидемон-Эристави*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картинка Тотоя Хоккея
«Предметы для чайной церемонии».

Оакакура, Какудзо.

О-49 Книга чая : [сборник] / Какудзо Оакакура ; [перевод И. Родина]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-178953-4

Чай — неотъемлемая часть нашей повседневной жизни. Чашечка этого горячего напитка способна согреть в холодный день, подарить чувство уюта и принести душевное спокойствие. Но что мы знаем про его историю, традиции и философию? В «Книге чая» Оакакура рассказывает об истории чая, чайных церемониях, школах и многом другом. Интерес к ней во всем мире не утихает уже более ста лет.

Также в сборник вошла работа «Идеалы Востока: дух японского искусства», которая рассказывает о развитии и изменениях в искусстве Японии разных эпох.

УДК 641.87:663.95+7.03(520)

ББК 36.98+85.03(3)

© Перевод. И. Родин, 2023

© Перевод стихов. Н. Сидемон-Эристави, 2023

ISBN 978-5-17-178953-4

© ООО «Издательство АСТ», 2025

КНИГА ЧАЯ

І. Чашка для человечества

Прежде чем стать всеобщим напитком, чай использовался в Китае в VIII в. как лекарственное средство, о нем слагали стихи, а чайные церемонии превратились в изысканное развлечение. В XV в. в Японии его возвысили до религии эстетизма, чаизма (*teaism*), культа, основанного на восхищении красотой в окружении мерзостей каждодневного существования и несущего с собой чистоту и гармонию, таинства общего милосердия и романтизма общественного устройства. По существу, это поклонение несовершенству, то есть мягкая попытка завершить то, что возможно во всем этом невозможном, которое мы понимаем как жизнь.

Философия чая — это не только эстетизм в обычном значении данного слова, но еще и выражение того общего, что существует между этикой и религией, нашей цельной точкой зрения на человека и природу; это и гигиена, поскольку принуждает к чистоплотности; это и экономиче-

ский аспект, так как демонстрирует, что простота предпочтительнее вычурности и роскоши; это и моральная геометрия в той мере, в какой она определяет соотношение сил, явлений и предметов во Вселенной. Эта философия представляет истинный дух восточной демократии, потому что превращает всех в аристократов вкуса.

Долгая изоляция Японии от остального мира привела к углубленному самоанализу и оказалась в высшей степени благоприятной для развития чаизма. Жилище и обычаи, одежда и кухня, фарфор, лаки, живопись, даже литература — все подверглось его влиянию. Ни один знаток японской культуры не мог игнорировать его существование. Он пропитывает элегантною гостинные аристократии, входит в жилища простолюдинов. Наши крестьяне научились составлять цветочные композиции, а даже самые бедные рабочие — приветствовать скалы и водные потоки. В нашей обиходной речи встречается выражение «в нем нет чая», когда мы говорим о ком-то бесчувственном, черством, равнодушном. Про безудержного эстета, который, не обращая внимания на то, что его личная драма сиюминутна, ведет себя несдержанно, предается безумству чувств, мы говорим, что в нем «слишком много чая».

Иностранцу может показаться это весьма необычным: что за буря в чайной чашке! — но когда мы поразмыслим над тем, как все-таки мала чаша радостей человеческих, как быстро наполняется

она слезами, как легко осушается до дна в нашей невосполнимой жажде бесконечного, тогда не будем осуждать себя за то, что придаем так много значения чайной чашке. Поклоняясь Бахусу, мы слишком легко приносим жертвы, даже преобразуем кровавый образ Марса. Почему бы не сконцентрироваться на королеве камелий и не насладиться теплой волной сочувствия, исходящего от ее алтаря? В жидком янтаре, который наполняет чашку из костяного фарфора, посвященному может открыться сладость сдержанности Конфуция, острога Лао-Цзы и неземные ароматы самого Будды Шакьямуни.

Те, кто не может ощутить ничтожество великого в себе, не всегда способны заметить величие ничтожества в других. Средний представитель Запада в своем лощеном самодовольстве увидит в чайной церемонии лишь очередной пример из тысячи и одной странности, которые для него определяют привлекательность и инфантилизм Востока. Он был готов рассматривать Японию как варварскую страну, пока она доставляла удовольствие своими изысканными мирными искусствами, но после того, как Страна восходящего солнца устроила массовую бойню на полях сражений в Маньчжурии, стал называть ее цивилизованной. В последнее время было опубликовано множество комментариев к кодексу самурая — искусству смерти, который заставляет наших солдат ликовать, когда они приносят себя в жертву, и почти

никакого внимания не было проявлено к чаизму, который так много говорит о нашем искусстве жизни. Пусть лучше мы останемся варварами, если наше желание превратиться в цивилизованных будет основываться на отвратительном воспевании войны. Придется дожидаться того момента, когда нашему искусству и идеалам будет оказано должное уважение.

Когда же Запад начнет понимать Восток или хотя бы попытается понять? Мы, азиаты, часто приходим в ужас от странной паутины, сотканной из фактов и фантазий, касающихся нас. Нас изображают как неких существ с измененным из-за благовоний лотоса сознанием. Это не что иное, как бессильный фанатизм или какой-то иной вариант низменного сладострастия. Индийская духовность осмеивается как невежество, китайская рассудительность — как глупость, японский патриотизм — как результат фатализма. Говорилось даже, что у нас низкая чувствительность к боли и ранениям за счет примитивности нашей нервной организации!

Да и почему бы не развлечься на наш счет? Но Азия возвращает комплимент. Появится и другая пища для веселья, если вы узнаете, что мы придумываем и пишем о вас. Тут есть и великолепные виды на будущее, и неосознанное почтение, и молчаливое негодование в адрес всего нового и неопределенного. Вас перегружают достоинствами, чересчур рафинированными, чтобы им зави-

довать, и обвиняют в преступлениях чересчур карикатурных, чтобы их осудить. Еще в глубокой древности наши писатели — мудрые люди, если кто знает — шокировали мир сообщениями, что вы прячете где-то под своей одеждой покрытые густой шерстью хвосты и на завтрак порой едите фрикасе из новорожденных младенцев! Мало того, у нас имелось и кое-что похлеще: мы привыкли относиться к вам как к самым непрактичным представителям человеческой расы на земле, потому что вы учили тому, чего никогда не делали сами.

Среди нас подобные недоразумения быстро разрешались. Торговля открыла дорогу европейским языкам в восточные порты. Молодые люди из Азии толпами отправляются в западные колледжи в погоне за современным образованием. Наше понимание не проникает в глубь вашей культуры, но мы, во всяком случае, хотим учиться. Некоторые из моих соотечественников слишком усердно перенимали ваши обычаи и правила этикета, полные иллюзий, что, покупая жесткие воротнички и шелковые цилиндры, они приобретают достижения вашей цивилизации. Жалкие и не вызывающие ничего, кроме презрения, в своей манерности они доказывают тем самым, что мы готовы на коленях ползти на Запад. К сожалению, отношение Запада неблагоприятно для понимания Востока. Христианские миссионеры приходят, чтобы транслировать, а не воспринимать. Ваши сведения базируются на скудных переводах мизерного ко-

личества произведений нашей необъятной литературы, если не на недостоверных анекдотах каких-то заглядывавших к нам путешественников. Весьма редко случается, когда такие литераторы, как обладающий рыцарственным пером Лафкадио Хирн¹ или автор трактата «Шесть систем индийской философии» М. Мюллер (р. 1823) оживляют тему Востока, изображая наши реальные чувства.

Возможно, своим многословием я обнаруживаю невежество в отношении чайного культа. Вежливость требует, чтобы вы говорили лишь то, что от вас ожидают, и не более, но я не отношусь к слишком уж совестливым чаистам. Взаимное непонимание между новым и старым принесло уже столько вреда, что можно даже не извиняться за ту каплю, что добавляется во благо улучшения взаимопонимания. Начало XX в. будет избавлено от зрелища кровавой войны, если Европа снизойдет до того, чтобы узнать Азию лучше. Какие ужасные последствия для всего человечества заключены в высокомерном пренебрежении к восточным проблемам! Европейский империализм, который не гнушается лить слезы по «желтой жемчужине», не хочет понять, что в Азии тоже может пробудиться жестокость по отношению к «белым

¹ Лафкадио Хирн — переводчик с японского и популяризатор японских литературы и искусства на Западе, автор хорошо известных отечественному читателю сборников пересказов японских квайданов — историй в жанре мистики и ужасов. — *Примеч. науч. ред.*

несчастьям». Можете высмеивать нас за то, что в нас «слишком много чая», а разве мы не можем считать, что у вас на Западе, в вашем устройстве, «нет чая» вообще?

Давайте сделаем так, чтобы континенты перестали набрасываться друг на друга с эпиграммами, и будем печальнее, если не мудрее, в достижении взаимной выгоды на половине полушария. Наше развитие шло разными курсами, и тем не менее нет причины, почему мы не можем дополнять друг друга. Вы осуществляете экспансию вширь, расплачиваясь за это общей агрессией; мы творим гармонию, которая слаба перед ее лицом. Можете ли вы поверить в то, что Восток в определенном смысле куда состоятельнее Запада?

Довольно странно, что человечество встречается пока в чайной чашке. Это единственная азиатская церемония, которая удостоивается вселенского пиетета. Белый человек с усмешкой воспринимает нашу религию, нашу мораль, но без колебания принимает в руки чашку с коричневым напитком¹. Чай во второй половине дня сегодня стал важной составляющей западного общества. В тихом позвякивании блюда о поднос, в мягком шуршании женского гостеприимства, в общем разговоре о сливках и сахаре — во всем этом мы видим культ чая, который для нас существует вне всяких сомнений. Философская сдача гостя на ми-

¹ В Японии, в отличие от Китая, черный чай и сейчас предпочитают зеленому и желтому. — *Примеч. науч. ред.*

лость судьбы, которая зависит исключительно от качества заварки, свидетельствует о том, что в данном простом случае дух Востока одержал верх.

Считается, что самое раннее упоминание о чае в европейских документах было найдено в отчете арабского путешественника, в котором сообщалось, что после 879 г. главным источником дохода в Кантоне была пошлина на соль и чай. Марко Поло фиксирует случай отставки китайского министра финансов в 1285 г. из-за того, что тот произвольно повысил пошлину на чай¹. Это была эпоха Великих открытий², когда европейцы стали больше узнавать о Дальнем Востоке. В конце XVI в. голландцы привезли к себе новость, что на Востоке из листьев кустарника готовят приятное питье. Путешественники Рамузио (1559), Алмейда (1576), Маффено (1588), Тарейра (1610) также упоминают о чае. В 1610 г. корабли Голландской Ист-Индской компании привезли первый чай в Европу. Во Франции о нем узнали в 1636 г., до России он добрался в 1638-м³, Англия

¹ Вопрос о том, действительно ли Марко Поло совершил свое путешествие, остается открытым, но во времена написания книги в этом не сомневались. — *Примеч. науч. ред.*

² Начало эпохи Великих географических открытий принято датировать плаванием Колумба в Новый Свет. — *Примеч. науч. ред.*

³ Но широко известен стал уже при Петре I. — *Примеч. науч. ред.*

восторженно приветствовала его в 1650-м: «Это прекрасный тонизирующий напиток, одобренный врачами».

Как и все новое и прекрасное, популяризация чая столкнулась с сопротивлением. К ярым противникам чая принадлежал Генри Сэвил¹, который назвал сам процесс употребления напитка грязным обычаем. Джонас Хенвей («Очерк о чае», 1756) в вину напитку поставил низкорослость: заявил, что после употребления чая мужчины теряют в росте и привлекательности, а женщины — свою красоту². Сначала цена (примерно 15–16 шиллингов за фунт) мешала популяризации чая и превратила его потребление в «привилегию высокого обращения и развлечения, предназначенных для принцев и вельмож». Однако назло подобным препонам обычай пить чай распространился с удивительной быстротой. В первой половине XVIII в. лондонские кофейни на самом деле превратились в чайные, в места, посещаемые такими остряками, как, например, Джозеф Аддисон³ и Ричард Стил⁴,

¹ Сэвил Генри (1549–1622) — английский математик и переводчик Библии. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

² Кофе повезло еще меньше, — его поначалу считали наркотиком за сильный тонизирующий эффект. — *Примеч. науч. ред.*

³ Аддисон Джозеф (1672–1719) — английский писатель, основоположник нравоописательных эссе и реалистического романа XVIII в.

⁴ Стил Ричард (1672–1729) — ирландский писатель, журналист, политик.

приятно проводившими время за «чайным блюдцем». Напиток очень скоро превратился в жизненную необходимость, а стало быть — облагался налогом. В этой связи мы напоминаем о том, сколь важную роль это сыграло в современной истории. Американская колония отказывалась выступать против метрополии, пока человеческое терпение не дало сбой под тяжестью налогов, которыми обложили чай. Американская независимость ведет отсчет с того момента, когда ящики с чаем побросали в воды Бостонской гавани¹.

Во вкусе чая присутствует неуловимый шарм, который делает его неотразимым и достойным идеализации. Западные юмористы тут же начали смешивать благоухание своих мыслей с его ароматом. В нем не было ни надменности вина, ни самоуверенности кофе, ни жеманной невинности какао. Уже в 1711 г. «Спектейтор» писал: «По этой причине особым образом мне хотелось бы порекомендовать свои размышления всем приличным семьям, которые, отложив дела, каждое утро уделяют час времени чаю и хлебу с маслом, и на полном серьезе посоветовать ради их благополучия приказывать пунктуально подавать себе эту газету и сделать ее составной частью чаепития». Сэмюэл Джонсон² описывал себя как «стойкого и бесстыд-

¹ Имеется в виду т.н. «бостонское чаепитие». — *Примеч. науч. ред.*

² Джонсон Сэмюэл (1709—1784) — английский писатель и лексикограф.

ного любителя выпить чаю, который за двадцать лет разбавлял свою еду только настоем этого обво- рожительного растения, который развлекает себя чаем по вечерам, чаем утешает себя в полночь и с чаем встречает утро».

Чарлз Лэм¹, открытый сторонник чая, озвучил истинную ноту, которую уловил в чаизме, когда написал, что величайшее наслаждение из известных ему — это сделать доброе дело, но тайно, и узнать об этом случайно. Чаизм — это искусство скрывать красоту, которую ты можешь обнаружить, или предположить, что никогда не осмелишься ее открыть. А еще это возвышенный секрет умения посмеяться над собой, спокойно и без купюр, чем, собственно, и является юмор сам по себе: философской улыбкой. В этом смысле всех истинных юмористов можно было бы назвать чайными философами — Теккерея, к примеру, и, конечно, Шекспира². Поэты эпохи декаданса (когда мир не находился в эпохе декаданса?) через свой протест против материализма открыли дорогу к чаизму. Возможно, в наши дни это превратилось в скромное созерцание несовершенства, в котором Запад и Восток смогут взаимно утешиться.

¹ Лэм Чарлз (1775—1834) — английский писатель, автор переложения пьес Шекспира для детей, антологий и эссе.

² В эпоху Шекспира чай до Великобритании еще не дошел. — *Примеч. науч. ред.*